

Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 358–364

Speech Genres, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 358–364

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-358-364>, EDN: CVVHKK

Научная статья

УДК [811.161.1'38'42:2-534.35]+821.161.1-94+929Толстой

Жанр молитвы в дневниковом дискурсе Л. Н. Толстого

Г. В. Токарев

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Россия, 300026,
г. Тула, пр. Ленина, д. 125

Токарев Григорий Валериевич, доктор филологических наук, профессор кафедры документоведения и стилистики русского языка, grig72@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению жанра молитвы, представленного в дневниках Л. Н. Толстого. В ходе анализа записей выявлено, что на протяжении своей жизни Толстой записал несколько десятков сочинённых им молитв. Записанные обращения к Богу рассмотрены в синтаксическом, семантическом и прагматическом аспектах. В исследовании использованы методы описания, концептуального и прагматического анализа. В ходе изучения выяснено, что Толстой нарушает сложившиеся каноны, моделирует индивидуальное обращение к Богу. В дискурсе Толстого преобладают краткие молитвы, что является следствием действия прагматических намерений адресанта: быть лаконичным, смиренным, ничего не просить. Установлено, что ключевой аксиологической доминантой для Толстого является любовь, с которой он отождествляет Бога. В своих обращениях к Богу Толстой просит о твёрдой вере, надежде, спокойной совести. Большая группа молитв Толстого имеет ситуативно ориентированный характер. В молитвах сформулированы императивы поведения. Сделаны выводы о том, что молитва в дискурсе Толстого становится средством индивидуальной программы самосовершенствования. Молитва Толстого носит камерный, регулярный характер. Адресатом обращения выступает Бог, причём часто не персонифицированный, а пустота, нечто, нравственный принцип. Роль адресанта определена номинациями послушного сына, слуги, работника, посланника Всевышнего, который должен смиренно принимать всё то, что хочет Бог. Доказано, что молитвы Толстого неоднородны по своим интенциям: просьба, благодарность, констатация. По своему аксиологическому содержанию и интенциональному вектору молитва Толстого полностью соответствует христианской идеологии, выражающейся в смирении и любви.

Ключевые слова: Лев Толстой, дневник, молитва, Бог, жанр, синтаксис, семантика, прагматика

Для цитирования: Токарев Г. В. Жанр молитвы в дневниковом дискурсе Л. Н. Толстого // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 358–364. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-358-364>, EDN: CVVHKK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The genre of prayer in the diary discourse of Leo Tolstoy

G. V. Tokarev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenina Ave., Tula 300026, Russia

Grigoriy V. Tokarev, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Abstract. The article is aimed to consider the genre of prayer presented in the diaries of Leo Tolstoy. An analysis of the entries reveals that over the course of his life Tolstoy recorded several dozen prayers he made up. The article examines recorded appeals to God in syntactic, semantic and pragmatic terms. The research uses methods of description, conceptual and pragmatic analysis. The study reveals that Tolstoy violates the accepted canons, modelling an individual appeal to God. Tolstoy's discourse is dominated by short prayers, which is a consequence of the addressee's pragmatic intentions: to be concise, humble, not to ask for anything. The article establishes that the key axiological dominant for Tolstoy is love, with which he identifies God. In his appeals to God, Tolstoy asks for firm faith, hope, and a calm conscience. A large group of Tolstoy's prayers has a

situationally oriented nature. The imperatives of behavior are formulated in the prayers. The article concludes that prayer in Tolstoy's discourse becomes a means of an individual programme of self-improvement. Tolstoy's prayer is chamberlike, regular in nature. The addressee of the appeal is God, and often not personified, but as emptiness, something, a moral principle. He defines the role of the addressee through the nominations of an obedient son, servant, worker, messenger of the Almighty, who must humbly accept everything that God wants. The article identifies that Tolstoy's prayers are heterogeneous in their intensions: a request, a thanksgiving, a statement. According to its axiological content and intentional vector, Tolstoy's prayer fully corresponds to the Christian ideology, expressed in humility and love.

Keywords: Leo Tolstoy, diary, prayer, God, genre, syntactics, semantics, pragmatics

For citation: Tokarev G. V. The genre of prayer in the diary discourse of Leo Tolstoy. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 358–364 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-358-364>, EDN: CVVHKK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Дневник Толстого представляет собой сложное полижанровое образование (см. об этом подробнее в [1]), в структуру которого входит молитва. Религиозное мировоззрение Л. Н. Толстого, его отрицание сложившихся ритуалов нашло своё отражение не только в многочисленных художественных произведениях, философских трактатах, публицистических статьях, но и в прямых обращениях к Богу. Дневниковые записи свидетельствуют о том, что диалог с Богом был актуален для Толстого на протяжении всей его сознательной жизни. Незадолго до своей смерти он пишет: *Да будет со мною не то, чего я хочу, и не так, как я хочу, но то, чего Ты хочешь и как Ты хочешь. Не хочу в будущем ни успеха деятельности, ни славы людской, ни телесных сил, ни продления жизни. Одного хочу: хочу для того, чтобы быть в Тебе и Тебя сознать в себе, любить всех и в мыслях, и в словах, и в делах.* (9 февраля 1909) [2, т. 57: 24–25]. Отрицание церковной идеологии, последующее отлучение Толстого от церкви не повлияли на его стремление обращаться к Богу. На протяжении своей жизни он записал в дневник несколько десятков сочинённых им молитв.

Основная часть

Молитва как жанр религиозного дискурса комплексно изучается в современной филологии. Определим основные аспекты её исследования.

- 1) формальный – рассматривает фонетико-просодические, архитектурные аспекты молитвы;
- 2) концептуальный – изучает особенности содержания молитвы, ценности, которые в ней воплощаются;
- 3) лингвокультурологический – исследует активацию системы норм, культурных уста-

новок и принципов, которых придерживается конфессиональная группа;

- 4) гендерный – определяет актуальность молитвы для дискурсов мужчин и женщин, а также зависимость содержания молитвы от гендерных ролей;
- 5) коммуникативно-прагматический – изучает особенности адресанта и адресата молитвы, экстралингвистические условия её реализации, интенциональное разнообразие и др.

Молитва Льва Толстого мало изучена в современной филологии. Целью настоящей статьи является комплексное рассмотрение данного жанра, представленного в дневниковом дискурсе мыслителя. В задачи исследования не входит освещение вопросов отношения Толстого к Богу, религии, вере. (см. об этом подробнее в [3]).

Под молитвой мы понимаем монологический жанр религиозного дискурса, в котором адресант обращается к сверхъестественной силе.

Семиотический подход к жанру предполагает его рассмотрение в трёх аспектах: синтаксическом, семантическом и прагматическом. Комплексный подход к данному жанру определяет разнообразие использованных методов исследования: описание, концептуальный и прагматический анализ.

Толстой нарушает сложившиеся каноны и, по сути, моделирует индивидуальное обращение к Богу, не прибегая к сложившейся столетиями структуре и устойчивым выражениям.

Синтаксический подход предполагает изучение формальных особенностей жанра. По объёму молитвы Толстого можно разделить на краткие: *Отец! Помози, настави и прими.* (2 января 1888) [2, т. 50: 19] и пространные: *Отец наш, да святится сущность Твоя, любовь, с тем, чтобы наступило царство любви, и воля Твоя о том, чтобы всё управлялось любовью (Тобою), со-*

вершалась здесь на земле, как она, в моих глазах, совершается на небе. И дай мне жизни, т. е. участия в совершении этого сейчас здесь. И уничтожь последствия моих ошибок, которые могут мешать мне, так же как я уничтожаю в своём сознании последствия видных мне ошибок других людей, могущих мешать мне любить их. И не введи меня в искушение – физическое страдание, оупманение, соблазн, которые препятствуют осуществлению любви, и, главное, избавь меня от главного препятствия во мне самом – от зла в моём сердце. Да, только одно, одно нужно для этой жизни и для всей жизни, одно – любовь, увеличение её. (28 марта 1890) [2, т. 51: 32]. В дневниковых записях преобладают краткие молитвы, что является следствием действия прагматических намерений адресанта: быть лаконичным, смиренным, ничего не просить. Такие молитвы Толстой сопровождает определениями: *короткий, простой* и т. п. *Короткая молитва: Знаю, что если я в любви, то я с Тобою. А если я с Тобою, то всё благо. Так буду же всегда любить всех в делах, словах и мыслях.* (18 июня 1909) [2, т. 57: 85]. *Молюсь просто: Отец, Бог, помоги мне. И он помогает. И он помогает. Нельзя Ему не помогать. Он, кого я прошу, во мне, так что молитва это значит только то, что я хочу жить Им.* (4 сентября 1909) [2, т. 57: 132]. Толстой считал, что молитва может и не находить вербального выражения. Она должна объективироваться в делах, в общем любовном настрое к миру. Тенденция к сокращению находит своё выражение в создании иконической молитвы (состоящей только из букв, по смежности указывающих на слова, включённые в молитву), которая была воплощением одного из приёмов коммуникации в дискурсе Толстого: *Завтра 17 августа 1893. Хочу писать, если б.ж. (если буду жив. – Г. Т.). Это та же молитва. Надо больше молиться. Если будет трудно, то чем же поддержать себя, как не этим.* [2, т. 52: 98]

Нарративная структура молитвы Толстого отчасти соответствует традиционной: в её основе лежит императив (*даруй, помоги, настави, прими* и др). При этом функционируют высказывания с иной нарративной структурой. Например, молитвы со структурой рассуждения, которая не характерна для её обычной речевой организации: *Хочется помощи Бога. Понимать же Бога могу только любовью. Если люблю, то Он во мне и я в Нём. И потому буду любить всех, всегда, в мыслях, и в словах, и в поступках. Только в такой любви найду помощь от Бога.* (6 февраля 1909) [2, т. 57: 24].

Семантический аспект молитвы охватывает преимущественно систему ценностей языковой личности. Ключевой аксиологической доминантой для Толстого является любовь, с которой он отождествляет Бога. Ведущий принцип, отражённый в молитве: впустить внутрь себя Бога, то есть жить любя. *Знаю, что если люблю, то Ты во мне и я в тебе. И потому хочу любить всегда и всех и в мыслях, и в словах, и в делах. Хочу не думать о суде людском, а делать только то, что мне перед живущим во мне Тобою должно и можно делать. Внешние события будущего скрыты от меня, но я знаю, что они совершаются по Твоей воле, и потому не хочу желать в будущем тех или иных, зная, что то, что совершается по твоей воле, всегда благо.* (6 февраля 1909) [2, т. 57: 24].

Молитва относится к тем жанрам, в которых ценности эксплицированы. То, о чём просит молящийся, составляет для него самое важное в актуальный момент. В исследовании концептуальной стороны молитвы, проведённом А. С. Князевой, утверждается, что «для мужчины важными качествами являются честь, ум и физическая сила» [4: 94]. Для Толстого это твёрдая вера, надежда, спокойная совесть. Всё это формирует понятие блага в картине мира Толстого.

Большая группа молитв Толстого имеет ситуативно ориентированный характер.

А молитвы должны быть сообразны положениям – встречаю.

Так когда один и выбор что делать?:

1) *помни, что жизнь только в служении, увеличении разума и любви.*

2) *Когда один и грустно, скучно, горько: помни, что если можешь делать дело служения, не делай противного и*

3) *и помни, что ты посланник.*

4) *Когда сходишься с человеком, помни, что наступил самый важный момент дела.*

5) *Когда женщина, помни, что она мать и дочь и главное человек сестра, а не самка.*

6) *Когда тебя оскорбили радуйся, это на пользу.*

7) *Когда раздражаешься, помни, что это нарушение самого святого – это себя губишь.*

8) *Не осуждай.*

9) *Когда обсуждаешь, помни свои грехи.* (19 марта 1900) [2, т. 54: 17–18].

Толстой составил перечень молитв, в которых сформулировал императивы своего поведения. Тем самым, молитва в дискурсе Толстого становится средством индивидуальной программы самосовершенствования:

Вчера думал о том, что надо молиться – делать себе самовнушение, но нужно не давать молитве делаться механической и для

того надо составить ряд молитв, которые читать по очереди, хоть на 12 дней. А кроме того составить себе молитвы короткие на каждый час – при каждом бое часов вспоминать. Так например, при бое вспоминать:

1) Помни смерть: что жизнь переход к смерти, т. е. перемене;

2) Что смысл её только служение, что служения есть два: дело мысли, разума, и дело любви.

3) Что лучше ничего не делать, чем делать ничего – ложь.

4) Что присутствие всякого человека есть призыв к высшей осторожной и важной деятельности.

5) Что униженным, смиренным быть выгодно, а восхваляемым, гордым – обратное.

6) Что теперешняя минута никогда не повторится.

7) Что ничего неприятного тебе быть не может – если неприятно, то значит ты спутался.

8) Что всякое дурное, даже пустое дело вредно тем ещё, что накатывает дорожку привычке, и всякое доброе дело – наоборот.

9) Не осуждай.

10) Обсуждая поступки других людей, вспоминай свои.

11) Помни, что духовное – мир, любовь – важнее миллионов материального мира. (19 марта 1900) [2, т. 54: 16].

Ещё одним важным императивом, отражённым в молитве, является уверенность Толстого, что будущее принесёт только хорошее, поскольку всё в мире совершается по воле Бога. Бояться будущего – значит не доверять Богу, противиться его воле: *Ничего не желаю в будущем, зная, что всё, что будет, будет благо; не желаю и похвалы людской, зная, что назначение моё не в любви людей ко мне, в моей любви к ним, любви в делах, в словах, в мыслях.* (11 февраля 1909) [2, т. 57: 25].

Содержание молитв Толстого показывает, что обращение к Богу постепенно трансформируется в диалог со своим я. В молитве Толстой приходит к краткому императиву *делать что должно. Господи! Хочу, ничего не хочу для себя. Готов на страдания, на унижения, только бы знать сам с собой, что делаю то, что должно. Какое лёгкое или страшно трудное слово: что должно. Кажется, ничего больше не нужно и не хочется писать.* (11 января 1909) [2, т. 57: 9].

Прагматический аспект предполагает рассмотрение особенностей реализации высказывания, роли адресата и адресанта, типичные образцы и т. д. Толстой придавал молитве большое значение. Он считал, что молитва не должна быть механическим обра-

щением к Богу, поэтому отступал от принятых образцов. 6 ноября 1890 года он записывает: «Молитва всё усложняется и всё живая». (6 ноября 1890) [2, т. 51: 101].

Говоря о реализации молитвы, Т. В. Ицкович отмечает: «Жанры, входящие в подсистему протожанра молитвы, реализуются как в пространстве церкви во время Богослужения, так и вне церкви в личном обращении. Соответственно, оказываются задействованы категории места (церковь / не церковь), времени (Богослужение / не Богослужение) и количества молящихся (коллективная/личная молитва)» [5: 89]. Толстой считал, что общение с Богом должно быть наедине, поэтому для себя определял единственно возможной камерную молитву, которая произносится вне церкви. Он пришёл к пониманию того, что молитва должна быть ежедневной и при этом неоднократной. Им написаны молитвы на каждый день, которые должны повторяться с определённой регулярностью. Приведём пример утренней и вечерней молитвы.

Утренняя молитва. Верю, что Бог живёт во мне и в каждом человеке, и потому хочу любить и почитать его в себе и в других и для этого не делать ничего противного Ему. Никого не обижать, не бранить, не осуждать, всем уступать, всем делать то, что себе хочешь, всех любить.

Вечерняя молитва: Верю в то, что Бог во мне и во всех людях, и потому хочу ничего не делать противного Ему, а вот сделал то-то и то-то. Подумаю, от чего я сделал это и как сделал, чтобы опять не сделать того же? (5 июня 1909) [2, т. 57: 79].

Рассматривая содержание этих молитв, мы понимаем, что в утренней молитве Толстой предупреждает себя от нарушения установленных для себя нравственных принципов, а в вечерней – пытается проанализировать совершённые поступки. Молитва для Толстого становится формой саморефлексии, самовоспитания и самосовершенствования.

В толстовской молитве специфичны представления об адресанте и адресате. В узальных православных молитвах молящийся обращается к Иисусу Христу, Богородице, святым, Богу-отцу. В молитве Толстого адресат один – Бог, причём часто не персонифицированный, а пустота, нечто, нравственный принцип. *Молитва: Хочется просить помощи у Бога. Но Бога никто же нигде же не видел, т. е. Бога мы не можем понять; не можем понять, но можем вступить в общение с Ним любовью. Если мы любим, то мы в Нём и Он в нас. Так будем же любить всех и ближних, и дальних, и любящих, и ненавидящих нас. И будем всегда любить всех и мыслью,*

и словом, и делом. В этом одном и помощь от Бога и в этом высшее благо, которое Он даёт нам. (6 февраля 1909) [2, т. 57: 23]. Для того же, чтобы жить перед Богом, нужно необходимо обращение к Нему, общение с Ним, как с личностью, хотя знаешь, что Он не личность. (3 января 1909) [2, т. 57: 4].

В случае персонифицированного обращения Толстой чаще всего прибегает к номинации Отец: Отец, помоги мне не переставая радоваться, исполняя в чистоте, смирении и любви волю твою. (13 февраля 1890) [2, т. 50: 36]. Для Толстого Бог – это отец, наставник, хозяин. Соответственно, свою роль он определяет как роль послушного сына, слуги, работника, посланника Всевышнего, который должен смиренно принимать всё то, что хочет Бог. Молитва, которой молится всегда, чтобы не впасть в напасть, для меня такая: помни, что ты посланник Бога – любви – от него исшёл и к нему идёшь. (3 ноября 1890) [2, т. 51: 102]. Молитва так же радостна, несмотря на то, что стала привычной. ... В молитве уяснилось то, что лучшую молитву, которую я теперь мог найти для того, чтобы молиться всегда, «чтобы не впасть в напасть», молитву короткую и действующую на душу, это то, что я посланный Тобой работник (раб), именно работник Твой, хочу работать Тебе Твоё дело, любить, и чтобы Ты, когда придёшь за мной, застал бы меня на работе. (18 ноября 1890) [2, т. 51: 106]. Эти представления сформировали некий инвариант, эталон молитвы. Я неверно записал сегодня 12 молитв. Не надо помолиться под ряд. Каждый час нужна только одна молитва: помоги мне служить тебе Богу. Господи, пробудись во мне и освяти меня и мою жизнь. Такой должна быть молитва ежечасная. (6 апреля 1900) [2, т. 54: 22] Помоги мне быть только Твоим работником. (10 декабря 1909), [2, т. 57: 185] Помни, ты работник дела Божьего. (15 апреля 1889) [2, т. 50: 67].

В современной коммуникативистике принята попытка классификации молитвы в соответствии с реализуемой интенцией. Т. В. Ицкович говорит о трёх видах интенций, реализуемых в молитвах: просьба (с покаянием), благодарность, хвала [2: 89]. И. В. Бугаева выделяет «...пять основных типов молитв: хвалебные, просительные, покаянные, благодарственные, ходатайственные» [6: 159], В. А. Мишланов определяет молитву-хваление, молитву-покаяние, молитву-оптатив [7: 295–296]. В. И. Карасик говорит о прощении, покаянии, восхвалении, благодарении [8: 225].

Молитвы Толстого неоднородны по своим интенциям. В дневнике он пишет: Молитва

не может быть одна и та же на все дни, на все часы. Нынче мне нужно: «помоги». А иногда нужно: «благодарю». Иногда нужно только созерцание, и иногда память о Нём и о Себе. (14 февраля 1909) [2, т. 57: 28]. Данная запись подтверждает, что Толстой чётко определял для себя интенциональные виды молитвы: просьба, благодарность, констатация. Примечательно, что последняя интенция не характерна для узуальных молитв.

Наиболее распространённый интенциональный вид молитвы Толстого – просительный. Он отличается от узуального тем, что Толстой не просит для себя материальных благ, что часто наблюдается в обычных обращениях к Богу. Главное содержание просьбы заключается в ожидании помощи от Бога в том, чтобы он принял и наставил молящегося на правильный путь. Даруй мне в твердой вере и надежде на Тебя, в любви к другим и от других с спокойной совестью и пользой для ближнего жить и умереть. Даруй мне творить добро и избегать зла; но будет со мной добро или зло, да будет пресвятая воля твоя! Даруй мне добра, истинного!» (13 июля 1854) [2, т. 47: 12]. Ключевым средством выражения данной интенции являются глаголы с семантикой просьбы в побудительных предложениях.

Второй интенциональный вид молитвы – констатация. Она связана с утверждением принципов жизни в согласии с Богом, подтверждении следования им, объективации своих намерений. Не людям, а Тебе и перед Тобою работаю, и не этой жизнью хочу жить, а всею – тою истинною, бессмертною. (21 ноября 1890) [2, т. 51: 109] Хочу жить не себе, не людям, но Тебе. (23 ноября 1890) [2, т. 51: 109]. Не хочу, или, лучше, хочу не жить для (своей похоти) своего тела теперь, не хочу жить для славы людской, хочу жить для любви божеской всегда и везде. (28 ноября 1890) [2, т. 51: 110]. Отче наш, иже еси на небесах, да святится имя Твоё. Имя Твоё есть любовь. Бог есть любовь. 2) да придёт царствие Твоё. (21 июля 1890) [2, т. 51: 64]. Эта интенция выражена повествовательными предложениями, в которых утверждается какое-либо положение дел.

Третий вид молитвы – благодарственная. Заметим, что в чистом виде данная интенция не реализуется. Чаще к ней присоединяется просительная, поэтому следует говорить о полиинтенциональности молитвы этой группы (термин предложен Т. В. Ицкович) [5, с. 206]. «Боже! Благодарю тебя за Твое постоянное покровительство мне. Как верно ведёшь ты меня к добру. И каким бы я был ничтожным созданием, ежели бы ты оставил меня. Не остави меня, Боже! Напугтствуй мне и не

для удовлетворения моих ничтожных стремлений, а для достижения вечной и великой неведомой, но создаваемой мной цели бытия» [2, т. 47: 42].

Во всём да будет не то, чего я хочу, и не так, как я хочу, а то, чего Ты хочешь и как Ты хочешь. Не хочу желать и ожидать чего-либо в будущем, ни успеха в деятельности, ни славы людской, ни сил телесных, ни самой жизни. Одного хочу, хочу, чтобы быть в Тебе и с Тобою, любить всегда и всех и в мыслях, и в словах, и в делах.

Таким образом, хотя молитва Толстого демонстрирует отступление от канонов православного обращения к Богу, по своему аксиологическому содержанию и интенциональному вектору она полностью соответствует христианской идеологии, выражающейся в смирении и любви. На протяжении всей жизни молитва стала для Толстого инструментом самосовершенствования, саморефлексии, выражения нравственных правил и запретов, объяснения самому себе неукоснительного следования им: *Знаю, что умираю, и в виду смерти не могу желать ничего внешнего в той жизни, из которой уйду; не могу тоже желать и похвалы от людей, потому что она не нужна умершему. Но не могу не желать и желаю одного: любить всегда одинаково всех и делом, и словом, и мыслью, всякую минуту и до последней минуты.* (11 февраля 1909) [2, т. 57: с. 25].

Заключение

Итак, Толстой под влиянием собственных религиозных взглядов переосмыслил жанр мо-

литвы. Тексты различаются по объёму: от иконических до обстоятельных, развёрнутых высказываний. Главной ценностной доминантой является любовь. Среди написанных Толстым молитв преобладают ситуативные. В них Толстой формулирует для себя нравственные императивы. Молитва становится средством самосовершенствования Толстого. Обращения к Богу эксплицируют представления Толстого о себе самом как сыне, слуге, посланнике Бога. В молитвах Толстого реализуются три интенции: просьба, благодарность, констатация. И. В. Бугаева назвала основные признаки канонической молитвы: «1) скрытая диалогичность при специфической адресности; 2) строгая тематическая обусловленность; 3) четкая композиция текста; 4) повтор и параллелизм как принцип организации текста; 5) возвышенная, устаревшая и специальная лексика, позволяющая выразить сакральное представление о мире; 6) языковая клишированность (обращения, славословие, прошения); 7) грамматическая и синтаксическая архаизация, придающая стилистическую отличительность текстам; 8) желательность-молитвенная модальность; 9) особая ритмическая организация; 10) часто анонимное авторство» [6: 163]. Молитва Толстого не соответствует ни одному из названных признаков. В молитве он обращается не только ко Всевышнему, но и к себе. Высказывания не имеют определённой композиции, они ориентированы на обыденный лексикон и грамматикон. Молитва Толстого представляет уникальный феномен объективации индивидуальной интерпретации отношения к Богу.

ред. В. В. Дементьева. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2003. С. 290–302.

8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

REFERENCES

- СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
1. Токарев Г. В. Диалоговая основа дневника Л. Н. Толстого // *Жанры речи*. 2022. Т. 17. № 2(34). С. 140–145. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-140-145>
  2. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : РГБ, 2006.
  3. Токарев Г. В. Представления Л. Н. Толстого о религии-вере // *Вестник Костромского государственного университета*. 2018. Т. 24. № 2. С. 108–110.
  4. Князева А. С. К вопросу о гендерной дифференциации православных молитвенных текстов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 3, вып. 1 (69). С. 93–95.
  5. Ицкович Т. В. Религиозный функциональный стиль в жанровом аспекте: к постановке проблемы // *Жанры речи*. 2016. № 1 (13). С. 87–93.
  6. Бугаева И. В. Молитва как особый жанр современной православной публицистики // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвузовский сборник научных трудов*. Орёл : ОГУ, 2006. С. 157–164.
  7. Мишланов В. А. Молитва как речевой жанр // *Прямая и непрякая коммуникация : сб. науч. ст. / под*
  1. Tokarev G. V. The dialogue basis of the diary of L. N. Tolstoy. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 140–145 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-140-145>
  2. Tolstoj L. N. *Polnoe sobranie sochinenij : v 90 t.* [Complete Works : in 90 vols.] Moscow, RGB, 2006 (in Russian).
  3. Tokarev G. V. Representations of L. N. Tolstoy about religion-faith. *Bulletin of the Kostroma State University*, 2018, vol. 24, no. 2, pp. 108–110 (in Russian).
  4. Knyazeva A. S. On the issue of gender differentiation of Orthodox prayer texts. *Philology. Theory and Practice*, 2021, vol. 3, iss. 1 (69), pp. 93–95 (in Russian).
  5. Itskovich T. V. Religious functional style in the genre aspect: To the formulation of the problem. *Speech Genres*, 2016, no. 1 (13), pp. 87–93 (in Russian).
  6. Bugaeva I. V. Prayer as a special genre of modern Orthodox journalism. In: *Zhanry i tipy teksta v nauchnom*

---

i mediinom diskurse : mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov [Genres and types of text in scientific and media discourse. Interuniversity collection of scientific papers]. Orel, Orel State University named after I. S. Turgenev Publ., 2006, pp. 157–164 (in Russian).

7. Mishlanov V. A. Prayer as a speech genre. *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya : sb. nauch. st. Pod.*

red. V. V. Demytyeva [Demytyev V. V., ed. Direct and indirect communication. : coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Koledzh”, 2003, pp. 290–302 (in Russian).

8. Karasik V. I. *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena, 2002. 477 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 28.08.2022; одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 17.11.2022

The article was submitted 28.08.2022; approved after reviewing 08.11.2022; accepted for publication 17.11.2022